

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русской литературы
(Пушкинский дом)

ДОСТОЕВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

5

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1983

вьючивал на себя пропасть платья и обуви и закутывал нога в шерсти и меха, тогда он (Сократ,— К. Б.) выходил *...>* в той же одежде, какую обыкновенно носил, и босый ходил по льду гораздо легче, чем другие в обуви.²

2

«... адресуйтесь, пожалуйста, к мадам Шифон на Гороховую и попросите, во-первых, прислать белошвеек...», — просит Варвара Алексеевна Макара Девушкина (I, 103). Имя хозяйки белошвейной мастерской «говорящее», придумано Достоевским не случайно и имеет иронический смысл, так как «chiffon» по-французски означает «тряпка». Ср. «chiffons de femmes» — «женские тряпки», пренебрежительно — о женской одежде.

К. А. Баршт

«СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ»

Биографический характер ряда записей из так называемой «Сибирской тетради» (Достоевский называл ее своей «тетрадкой каторжнй» — 21, 259) несомненен. Уже отмечалось, что повторяющиеся здесь пометы, «возможно, имели особое значение для писателя» (4, 310). Однако смысл этих кратких помет оставался неясен по той причине, что ни в одном из случаев их употребления публикаторы «Сибирской тетради» не могли предложить приемлемого варианта их прочтения. По характеру написания второй буквы не поддававшегося прочтению слова ее можно принять за «л», причем как за латинское, так и за русское. Последнее в свое время и предложил Л. П. Гроссман, правда, не решившийся ввести получающееся при этом свое прочтение в текст «Сибирской тетради». В конце публикации, в сноске, он заметил: «Перед некоторыми датами стоит трудно поддающееся расшифровке обозначение: „Елеи“ или „Елен“. Мы заменили его несколькими точками ввиду неуверенности чтения».¹ Последующие публикаторы помечали слово как неразобранные, а если отступали от этого правила, то крайне неудачно его интерпретировали.²

Но в одном из случаев употребления слова вторая буква его написана совершенно отчетливо как латинское «h», что и позво-

² Ведорхольм. История древней философии, приспособленная К понятию каждого образованного человека, ч. II. М.—Л., 1936, с. 438. Если принять первое чтение, можно было бы предположить, что Достоевский употребляет старый вариант слова «елей» — «едеи» (приведен Срезневским в его «Материалах для Словаря древнерусского языка», т. I. СПб., 1893) в смысле «утешение, успокоение». Как увидим ниже, это противоречит смыслу записей.

¹ Так, совершенно уже лишено всякого смысла предложенное одним из публикаторов прочтение «Елец!» (Литературное наследство, т. 1971, с. 204; об этом случае употребления слова см. ниже).

ляет прийти к заключению, что перед нами латинское «Eheu» (т. е. междометие «увы» или «ах»).³

В результате биографический «пласт» «Сибирской тетради» (ГБЛ, ф. 93, л. 2.5) ⁴ выглядит так:

1855 г.

- «(eheu)» (с. 21 об.)
«(Eheu 5 июля)» (с. 23)
«(Eheu! 28 августа)» (с. 23 об.)

1856 г.

- «(Eheu, 20 марта)» (с. 25)
«Eheu! 8 мая» (с. 25)
«(17 августа)» (с. 25 об.)
«(26 сентября 56. Ожидание)» (с. 26)
«(17 октября 56)» (с. 26 об.)
«(19 декабря 56. Надежда!)» (с. 27)

1857

- «(11 мая)» (с. 27 об.)

1860 г.

- «(Eheu. Отъезд Мкаши 6 сентября 860)» (с. 28)

Отметим сразу же, что все приведенные записи связаны с именем М. Д. Исаевой и отражают различные моменты сложного, трагического чувства к ней Достоевского, возникшего весной — летом 1854 г. Первая запись, относящаяся, по-видимому, к июню 1855 г., связана с отъездом семьи Исаевых в Кузнецк. 4 июня 1855 г. Достоевский писал Марии Дмитриевне: «Вот уже две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти *...>* Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого» (П., I, 152). Вторая помета, шольская, вероятно, вызвана той же непроходящей тоской. Запись от 28 августа связана с трагической ситуацией, в которую попала М. Д. Исаева после внезапной смерти мужа. Об этом она писала Достоевскому в частых (несохранившихся) письмах, о которых он в свою очередь сообщал своему другу А. Е. Врангелю (см. письма к нему от 14 и 23 августа 1855 г.: П., I, 155–158, 160–161).

Записи от 20 марта и 8 мая 1856 г. запечатлели события, связанные с получением известий о предполагаемых замужествах Марии Дмитриевны (см. письма Врангелю от 23 марта, 23 мая и

³ Пример из словарной статьи: «Eheu, fugaces labuntur anni» — «Увы, проходят быстротечные годы!» (Гораций). Ср. со стихами из XIV строфы «Песни» («Cartpitica») Горация: «Eheu fugaces Postume! || Postume labuntur anni nec petas togam» — «О Постум! Постум! Как быстротечны || Мелькают годы! Нам благочестие || Отсрочить старости не может. || Нас не избавит от смерти лютої».

⁴ См. также: 4, 245–248.

14 июля 1856 г.: П., I, 168—177, 186—193) и отчаянием, в котором находился Достоевский все время, пока надежда на получение им офицерского чина не стала реальной. Последующие пять записей связаны с ожиданием получения этого чина и *ожившими* надеждами на брак с М. Д. Исаевой: потому-то рядом с этими записями и нет горестной пометы «Eheu». Приказом от 1 октября 1856 г. Достоевский был произведен в прапорщики; венчание его с Марией Дмитриевной состоялось 6 февраля 1857 г.

Любопытно происхождение последней записи, относящейся к 1860 г. «Сибирская тетрадь» к этому времени давно уже не была рабочей; последние записи ее датируются 1857 г. И тем не менее писатель вновь извлекает тетрадь, чтобы обозначить еще одну печальную дату: 6 сентября 1860 г. совершился переезд больной М. Д. Достоевской из Петербурга на жительство в Москву (а потом на время во Владимир). Достоевский же преимущественно живет в Петербурге, лишь время от времени совершая поездки к жене. С ноября же 1863 до 15 апреля 1864 г. он находился неотлучно подле умирающей Марии Дмитриевны. А. Н. Майков, посетивший семью незадолго до этого, писал жене: «Мария Дмитриевна ужасно как сделалась с виду-то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице <...> Федор Михайлович всё тешит ее разными вздориками, портмопейчиками, шкатулочками и т. п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картипу вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей».⁵

Помимо «Сибирской тетради» только три раза появилась эта горестная помета «Eheu» в рукописях Достоевского. Причем дважды вновь в связи с именем М. Д. Достоевской. Первый раз при дате 24 июля 1863 г. («24 июля. Eheu» — записная книжка 1863—1864 гг.; ГБЛ, ф. 93, л. 2, 7, с. 21): в этот день предполагаемое заграничное путешествие вдвоем с А. П. Сусловой, оживавшей Достоевского в Париже, стало реальным (от Литературного фонда были получены взаймы 1500 рублей), и, по-видимому, новая веха в отношениях с Сусловой заставила Достоевского как бы еще раз вспомнить грустную историю его первой любви. Последний раз эта горестная помета возникнет рядом с датой известной записи «Маша лежит на столе («16 апреля <1864>. Eheu!»), которая входит в состав печального перечня трагических событий 1863—1864 гг., завершающего записную тетрадь этих лет:

«25 ноября 63 выезд из Москвы.

16 апреля <1864> (Eheu!)

10 июля, в 7 часов утра — смерть брата Марии.

2 августа. Утро в Павловске. Жарко. Дворянск<ое> гнездо (начало). Маша, брат, будущность, потом *настоящее*.⁶

И лишь один раз (и последний) возникает эта помета безот-

⁵ Литературное наследство, т. 86. 1973, с. 393.

⁶ Там же, т. 83, с. 188 (печатается со сверкой по автографу).

носительно к М. Д. Достоевской, но в том же горестном значении: в записной тетради 1864—1865 гг. рядом с датой 25 ^{<сентября>} 1864 г.⁷ вновь появляется: «(Eheu!)». В этот день умер Аполлон Григорьев, и, без сомнения, запись, с ее особым скрытым значением, подчеркивает, насколько близок был Достоевскому его давний соратник и сотрудник. И не случайно в таком сухом и деловом документе, как приходо-расходная тетрадь по журналу «Эпоха», в которой нет ни одной не деловой записи, вдруг появляется написанная рукою Достоевского строчка: «Для похорон Ап. Григорьева из числа всей суммы — 10 <руб.>» (ГБЛ, ф. 93, I.3.21). Правда, Достоевский тут же зачеркивает эту «неофициальную» строку, заменив ее вполне деловой: «Порецкому — 10».⁸

Все сказанное позволяет сделать тот вывод, что «Сибирская тетрадь», заключающая в себе целый ряд важнейших дневниковых помет, может считаться серьезным биографическим источником. Тем более серьезным, что это, если не говорить о письмах, самый ранний биографический источник, оставленный самим Достоевским.

Т. И. Орнатская